

РУССКАЯ ДУША

Этюд

I

Профессор московского университета, Андрей Христофорович Вышнеградский, на третий год войны получил письмо от своих двух братьев из деревни -- Николая и Авенира, которые просили его приехать к ним на лето, навестить их и самому отдохнуть.

"Ты уж там заkis небось в столице, свое родное позабыл, а здесь, брат, жива еще русская душа",-- писал Николай.

Андрей Христофорович подумал и, зайдя на телеграф, послал брату Николаю телеграмму, а на другой день выехал в деревню.

Напряженную жизнь Москвы сменили простор и тишина полей.

Андрей Христофорович смотрел в окно вагона и следил, как вздувались и опадали бегущие мимо распаханые холмы, проносились чинимые мосты с разбросанными под откос шпалами.

Время точно остановилось, затерялось и заснуло в этих ровных полях. Поезда стояли на каждом полустанке бесконечно долго,-- зачем, почему,-- никто не знал.

-- Что так долго стоим? -- спросил один раз Андрей Христофорович.-- Ждем, что ли, кого?

-- Нет, никого не ждем,-- сказал важный обер-кондуктор и прибавил: -- нам ждать некого.

На пересадках сидели целыми часами, и никто не знал, когда придет поезд. Один раз подошел какой-то человек, написал мелом на доске: "Поезд N 3 опаздывает на 1 час 30 минут". Все подходили и читали. Но прошло целых пять часов, никакого поезда не было.

-- Не угадали,-- сказал какой-то старичок в чуйке.

Когда кто-нибудь поднимался и шел с чемоданом к двери, тогда вдруг вскакивали и все наперебой бросались к двери, давили друг друга, лезли по головам.

-- Идет, идет!

-- Да куда вы с узлом-то лезете?

-- Поезд идет!

-- Ничего не идет: один, может, за своим делом поднялся, все и шарахнули.

-- Так чего ж он поднимается! Вот окаянный, посмотри, пожалуйста, перебаламутил как всех.

А когда профессор приехал на станцию, оказалось, что лошади не высланы.

-- Что же я теперь буду делать? -- сказал профессор носильщику. Ему стало обидно. Не видел он братьев лет 15, и сами же они звали его и все-таки остались верны себе: или опоздали с лошадьми, или перепутали числа.

-- Да вы не беспокойтесь,-- сказал носильщик, юркий мужичок с бляхой на фартуке,-- на постоялом дворе у нас вам каких угодно лошадей предоставят. У нас на этот счет... Одно слово!..

-- Ну, веди на постоялый двор, только не пачкай так чемоданы, пожалуйста.

-- Будьте покойны...-- мужичок махнул рукой по чехлам, перекинул чемоданы на спину и исчез в темноте. Только слышался его голос где-то впереди:

-- По стеночке, по стеночке, господин, пробирайтесь, а то тут сбоку лужа, а направо колодезь.

Профессор, как стал, так и покатился куда-то с первого шага.

-- Не потрафили...-- сказал мужичок.-- Правда, что маленько грязновато. Ну, да у нас скоро сохнет. Живем мы тут хорошо: тут прямо тебе площадь широкая, налево -- церковь, направо -- попы.

-- Да где ты? Куда здесь идти?

-- На меня потрафляйте, на меня, а то тут сейчас ямы извезочные пойдут. На прошлой неделе землемер один чубурахнул, насили вытащили.

Профессор шел, каждую минуту ожидая, что с ним будет то же, что с землемером.

А мужичок все говорил и говорил без конца:

-- Площадь у нас хорошая. И номера хорошие, Селезневские. И народ хороший, помнящий.

И все у него было хорошее: и жизнь и народ.

-- Надо, видно, стучать,-- сказал мужичок, остановившись около какой-то стены. Он свалил чемоданы прямо в грязь и стал кирпичом колотить в калитку.

-- Ты бы потише, что ж ты лупишь так?

-- Не беспокойтесь. Иным манером их и не разбудишь. Народ крепкий. Что вы там, ай очумели